

Мельникова Н.В.
(Екатеринбург)

Взаимодействие с заключенными как фактор формирования менталитета жителей закрытых атомных городов Урала

Неотъемлемая составляющая российского атомного комплекса – закрытые города, специализирующиеся на производстве ядерного оружия. В Российской Федерации 47 закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), в которых проживает в общей сложности около 1,5 миллионов человек. Из них 37 находятся в ведении Минобороны РФ и 10 – в ведении Агентства по атомной энергии (бывшего Министерства среднего машиностроения, Минатома). Среди ЗАТО Минобороны преобладают города при военно-морских базах на побережье Кольского полуострова, Камчатки, Приморья, при космодромах (Мирный, Капустин Яр), испытательных полигонах и других военных объектах. Ко второй группе относятся города, главные градообразующие элементы которых – предприятия атомной промышленности (общее число жителей составляет более 730 тыс.). Пять из них (Новоуральск (Свердловск-44), Лесной (Свердловск-45), Озерск (Челябинск-65), Снежинск (Челябинск-70), Трехгорный (Златоуст-36)) были построены на Урале в 1945-1958 гг.

Закрытые атомные города во многом уникальное явление. Они отличались от “обычных” городов уже на ранних этапах строительства. Среди характерных черт – обособленность от “внешнего” мира, режим особой секретности, который окружал все, что было связано с этими городами, специальный отбор населения, имеющего право проживать в них, первоочередное снабжение, повышенное финансирование, постоянные физические и эмоциональные перегрузки работников, связанные с задачей выполнения различных видов работ в максимально сжатые сроки. Все эти и другие особенности отражались на психологии людей, создавали своеобразный менталитет населения закрытых городов. Несомненно, и фактор работы свободных граждан с заключенными, участвовавшими в строительстве, накладывал отпечаток на психологию горожан, формировал специфику их восприятия самих себя, окружающей действительности.

По политическим соображениям и необходимости охраны государственной тайны строительство закрытых городов проходило в условиях строгой секретности, силами заключенных, спецпереселенцев, военных строителей и отчасти вольнонаемных. Головной организацией по строительству объектов атомной промышленности в 1946–1953 гг. было Главное управление лагерей промышленного строительства НКВД (Главпромстрой) во главе с А.Н. Комаровским. Начальники строительства одновременно являлись и начальниками лагерей при этих строительствах. С целью предотвра-

щения разглашения сведений всех занятых в строительстве переводили на другие объекты НКВД–МВД. Как справедливо подчеркивают многие исследователи, неправомерно считать, что объекты атомной промышленности возводились преимущественно силами заключенных (1). На наиболее крупных стройках ПГУ одновременно находилось по 10–12 лагерных отделений, при этом общая численность заключенных была сравнительно невелика. Так, на строительстве комбината № 817 (будущий “Маяк”) находилось 8,4 тыс. заключенных, комбината № 813 (будущий УЭХК) – 6,7 тыс. человек (данные на май 1947 г.) (2). В начальный период строительства заключенные составляли от 20 до 40% строителей, при этом они практически не работали на промплощадках, не допускались на секретные объекты.

Тем не менее, следует признать, что на начальных этапах формирования системы закрытых городов “тема”, связанная с заключенными, арестом была очень актуальна. Тот факт, что приезд в закрытый город сопровождался сверхсекретностью (будущие работники не знали ни основную цель работы, ни пункт истинного их назначения) нередко вызывал такие чувства как удрученность, подавленность, ощущение “таинственности и даже страха”, “ужасные впечатления”. Отсутствие информации рождало противоречивые слухи. Одни утверждали, что жить предстоит в красивейшем уголке Урала – Русской Швейцарии. Другие – что жить придется за колючей проволокой, работать на заводе, который находится под землей (3). Говорили также, что все, кто попал за колючую проволоку, назад не вернутся. У некоторых появлялась мысль, что их арестовали и везут в лагерь для заключенных.

Ветераны закрытых городов вспоминают об определенном жесточении в отношениях между заключенными и вольнонаемными, часто такое “соседство” угрожало здоровью или даже жизни. “Заключенные ... пользовались случаем снять с нас что-либо из теплых вещей, – вспоминает ветеран г. Лесного П.М. Постников. – Они наставляли на горло нож и приказывали раздеваться. Так, с двух наших ребят были сняты новые валенки, взамен их старых (4)”. В присутствии заключенных необходимо было постоянно помнить об опасности: зачастую строительный материал преднамеренно сбрасывался на свободных работников (5). “Они ... создают зону заключения для нас и для наших семей, – констатировал куратор завода № 814 А.И. Авдюков на первой партийной конференции управления ИТЛ и строительства № 514 в июле 1949 г. – Весь рабочий день семьи отсиживают за замком и бдительно следят за тем, чтобы не залезли в дом и не обворовали. А случаи воровства бывают почти ежедневно, некоторых обворовывали по 3–4 раза. В таких условиях жить исключительно тяжело” (6).

В утреннюю смену заводчане ходили на работу рядом со строительными колоннами заключенных. Из колонн часто слышались выкрики: “Мы сюда попали за воровство, бандитизм, а вы за что?” (7) Некоторых это наво-

дило на мысль об отсутствии личной свободы, рождало чувства угнетения и страха. Известны случаи, когда вольнонаемный состав отказывался работать рядом с заключенными (8).

С другой стороны, контакты с заключенными порождали у первых жителей ЗАТО и другие чувства. Например, удивлял стиль общения в бригадах заключенных. Ветеран комбината ЭХП В.Я. Комаров так описывает свой опыт работы с заключенными: “Бригадир стал обращаться к членам своей бригады таким ласковым голосом, что я просто открыл рот. Например, “Петя, помоги, пожалуйста, Коле. Видишь, ему одному трудно”. Петя вздрогнул и бросился в траншею. Схватив кувалду, начал ею работать. Да как!” (9).

Уважение и восхищение вызывали профессиональные навыки и личные качества некоторых заключенных. “Когда мы с мужем получили квартиру, – вспоминает С.А. Щербо, – соседний дом был в лесах. Там всюду шли работы. И днем оттуда часто звучал красивый мужской голос: “Скажите, девушки, подружке вашей ...” И каждый раз мы недоумевали, как обладатель такого необыкновенного голоса мог быть заключенным – просто не укладывалось в голове” (10).

Так или иначе, но проживание по-соседству заставляло примиряться с действительностью. “В лагере был духовой оркестр, – вспоминает ветеран г. Лесного В.Г. Югов, – и летом ... мы устраивали танцы. Они – по ту сторону проволоки, мы – по эту” (11). Отдельные горожане, сочувствуя заключенным, переправляли их письма родственникам, снабжали продуктами (12). “Я понимаю, что они заключенные, – возмущалась вольнонаемная женщина-счетовод, но почему им в лагере не дают пить чай?! Я по их просьбе по несколько пачек покупаю и приношу в рабочую зону!” (13). Некоторые поддерживали дружеские отношения с заключенными, даже участвовали в совместных застольях, что стирало “всякую грань между вольнонаемными и заключенными”, как с негодованием отмечало партийное руководство. Известны случаи хранения жителями ЗАТО литературных произведений “антисоветского содержания”, написанных заключенными (14). В результате более тесного общения, некоторые жители закрытых городов задумывались над тем, кто и почему был лишен свободы, действительно ли это было справедливо. Тем не менее, большинство придерживалось распространенного мнения “зря не посадят”, относилось к заключенным с настороженностью, испытывая страх и дискомфорт в их присутствии.

1. Алексеев В.В., Литвинов Б.В. Советский атомный проект как феномен мобилизационной экономики // Наука и общество: история советского атомного проекта (1940-1950 гг.). Вып. 1. М., 1997. С. 297; Артемов Е.Т., Бедель А.Э. Укрощение Урана. Екатеринбург, 1999. С. 31-32; Землин П.С., Гашев И.И. Десант полковника Быстрова. Озерск, 1999. С. 17.

2. Новоселов В.Н. Создание атомной промышленности на Урале. Челябинск, 1999. С. 93.
3. Фонды музея истории ПО “Маяк”. Сохина Л.П. Мои воспоминания о работе на комбинате “Маяк”. Челябинск-65, 1993. С. 25.
4. Кузнецов В.Н. Атомный проект за колючей проволокой. Екатеринбург, 2004. С. 169.
5. Фонды музея истории ПО “Маяк”. Рыбакова О.С. Воспоминания. Челябинск-65, 1973. С. 13; Лесной: история закрытого города. Екатеринбург, 1997. С. 33, 36.
6. Кузнецов В.Н. Указ. соч. С. 159.
7. Там же. С. 128.
8. ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 3. Л. 42.
9. Лесной: история закрытого города. С. 55.
10. Там же. С. 220.
11. Кузнецов В.Н. Указ. соч. С. 157.
12. ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 189. Л. 15-16, 18.
13. Кузнецов В.Н. Указ. соч. С. 161.
14. ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 28. Л. 21.